

ПРОЛОГ

На Маркизских островах

Это было в один из зимних дней, часа в три пополудни, в Тайоа, столице и главном порте французской колонии на Маркизских островах. Дул свежий ветер, и прибой с ревом набегал на покрытый мелкой галькой берег. Пятидесяти-тонное военное судно, на котором развевался французский флаг и с помощью которого поддерживалось французское владычество на островах этой каннибальской группы, качало из стороны в сторону — судно это стояло на якоре под Тюремным Холмом. Темные тучи низко нависли над вершинами расположенных амфитеатром гор. Поутру прошел дождь, один из тех страшных тропических ливней, которые напоминают людям о всемирном потопе. Серебристые струйки дождевой воды еще и сейчас сбегали с темных откосов скал.

Но здесь зима — одно название: страшный ливень даже не освежил раскаленной атмосферы, и резкий ветер с моря не оживил истомленных жарою жителей Тайоа.

На самом краю города, в саду своей резиденции за Тюремным Холмом комендант распорядился какими-то изменениями и улучшениями в цветнике. Так как садовники все до одного были каторжниками, то им ничего более не оставалось, как продолжать беспрекословно работать, несмотря на нестерпимый зной и на то, что все остальные жители города в это время спали или просто отдыхали в тени. Спала туземная царица Васкэху в своем причудливо-

красивом дворце под сенью развесистых пальм, дремал таитянский миссионер в своей украшенной флагом официальной резиденции, смежили веки торговцы и купцы в своих опустевших лавках; и даже буфетчик в клубе склонил голову на уставленную бутылками стойку под закрепленной на стене большой картой обоих полушарий и морскими картами. На всем протяжении единственной улицы, тянувшейся вдоль берега, с заманчивою тенью пальм, зелеными кустами и кустиками садов, дощатые дома которой все как один были обращены фасадом к морю, вы не встретили бы в эту пору ни одного живого существа. Только на самом краю старой полуразвалившейся дамбы, которая когда-то, в благословенные дни американского возмущения, предназначалась для того, чтобы трещать и завывать под тяжестью хлопковых тюков, сидел на куче мусора человек — знаменитый татуированный белый человек, живая достопримечательность Тайоа.

Широко раскрытые глаза его были устремлены вдаль. Перед ним, постепенно понижаясь, тянулись горы, переходя в скалы и рифы у входа в залив. Вокруг островков, на которых приютились сторожевые посты, пенясь, бурлил прибой, на лазоревом фоне узкой полосы горизонта вырисовывалась вдали, точно призрак, высоко вздымая к небесам свою острую, как шпиль, вершину, гора Уайу. Но человек не видел всей этой знакомой картины — нечто среднее между бдением и дремотой овладело им. В памяти его восставали беспорядочными отрывками картины прошлого: белые и темные лица, капитаны и товарищи, некогда служившие с ним на одном судне, давние плаванья, забытые ландшафты, странные звуки, барабанный бой, сзывавший на людоедский пир. Может быть, вспомнилась ему и та принцесса, ради любви которой он отдал свою кожу в руки татуировщика. И вот теперь сидит он на куче мусора около сваи в гавани Тайоа, являя собой

престранную фигуру европейца. Временами врываются в его воспоминания и другие картины более дальнего прошлого, воспоминания детства теснятся перед его мысленным взором, осаждая его разум и дразня родными звуками и напевами: звон соборного колокола в далекой милой Англии, и песня над рекой, и туман над равниной... Далекий родной туман, полный заманчивых, сказочных видений.

Вода в заливе очень глубока не только при входе, но и вплоть до самого берега: любое судно беспрепятственно может войти в него и пройти так близко, что между его скалистым боком и судном можно растереть сухарь.

Татуированный человек сидел и клевал носом, но неожиданно увидел позади западного островка развевающийся бом-кливер. За верхним парусом последовали два других, и прежде чем татуированный вскочил на ноги, около сторожевого островка появилась шхуна водоизмещением тонн в сотню, идущая посреди залива бейдевинд.

Спящий город разом пробудился и ожил. Туземцы сбегались отовсюду, окликаая друг друга магическим словом «эхиппи» — «корабль», царица вышла на веранду своего жилища, заслоняя глаза от солнца рукой, которую можно было смело назвать образцовым произведением искусства татуировки. Комендант, покинув своих подневольных садовников, побежал в кабинет за подзорной трубой; начальник порта, бывший вместе с тем и смотрителем тюрьмы, поспешно спускался с Тюремного Холма по направлению к гавани. Семнадцать канаков и француз-боцман, составлявшие экипаж военной шхуны, собрались на палубе. Всевозможные иностранцы: англичане, американцы, немцы, поляки, корсиканцы и шотландцы — торговцы и клерки, проживающие в Тайоа, — покинув свои места и занятия, собрались, согласно уже укоренившемуся обычаю, на дороге перед зданием клуба.

И так быстро собирался этот десяток-другой европейцев, и так коротки были все расстояния Тайоа, что все они уже были в сборе и обменивались догадками и предположениями относительно вновь прибывшего судна прежде, чем последнее успело повернуться другим бортом и стать на якорь в указанном месте.

— Джон Буль! — воскликнул один старый моряк, погибший на своем веку не одно судно англичан.

— Держу пари, что это американская яхта! — возразил шотландец-инженер.

— По вашему, это яхта?! — воскликнул уроженец Глазго. — Ну, поздравляю!

— *Bonjour, mon prince!* — обернулся благообразнейшего вида немец к темнолицему красивому туземцу с умным и полным достоинства лицом, проезжавшему мимо на породистом караковом коне. — *Vous allez boire un verre de bière?*¹

Но князь Станислас Моанатини, единственное разумно занятое существо на всем острове, упрямо стремился в горы, чтобы осмотреть обвал на горной дороге. Солнце уже начинало спускаться — пройдет совсем немного времени и окончательно стемнеет, и если он хотел избежать мрака и охотников джунглей, то ему приходилось волей-неволей отказаться от любезного приглашения и спешить по своим делам. Таков был ответ князя.

— Вы правы, князь, — вмешался глазговец, — кроме того, и пива нет! В клубе всего восемь бутылок осталось, а правила гостеприимства требуют, чтобы мы, местные жители, предоставили их приезжим!

— А вот и Хевенс! — крикнул кто-то, приветствуя новое лицо. — Что вы думаете насчет этого судна, Хевенс?

¹ Здравствуйте, князь! Выпьете стакан пива? (*фр.*)

— Ничего не думаю, я все уже знаю о нем! — отвечал высокий, стройный блондин с нежным, как у девушки, цветом лица и спокойной холодностью манер, типичный молодой англичанин, безупречно одетый, с сигарой в зубах. — Мне сообщили о его прибытии из Окленда от Доналда и Эденбочоу, и я как раз направляюсь туда, на это самое судно!

Он безмятежно продолжал свой путь и скоро уселся в шлюпку, которой управляли суетливые канаки. Он осторожно уселся, чтобы как-нибудь не запачкаться, и, отдавая приказание таким голосом, как будто сидел за обеденным столом, понесся к шхуне.

Капитан — старый опытный моряк — встретил его у трапа.

— Меня о вас известили! — сказал вновь прибывший. — Рекомендуюсь: Хевенс!

— Совершенно верно, — отвечал капитан, пожимая гостью руку. — Пожалуйте вниз; там вы повидаетесь с владельцем судна, мистером Доддом. Только осторожнее, у нас недавно красили!

Хевенс направился к лесенке, ведущей в главную каюту, и минуту спустя был уже внизу.

— Мистер Додд, если не ошибаюсь? — проговорил он, обращаясь к небольшого роста бородатому господину, писавшему у стола. — Да неужели это сам Лауден Додд?

— Он самый, мой милейший, — ответил мистер Додд, живо и с самым дружественным чувством вскакивая с места. — Прочитав ваше имя на документах, я наполовину надеялся, что увижу именно вас... Так и есть, все тот же невозмутимо спокойный, свежий, как купидон, белый и румяный британец!

— Увы, я не могу ответить вам тем же: вы сами за это время стали еще британистее! — отвечал Хевенс.